

мучается горней мукой въ стремленіи къ Богу. Никому невѣдомо, что зарождалось въ душѣ Толстого въ эти послѣдніе дни. Но получается впечатлѣніе, какъ будто опять начиналась въ немъ новая, трудная душевная работа, и, возможно, еще разъ ставились подъ вопросъ старыя вѣрованія. Объ этомъ возможны только догадки и предположенія, и въ этой интимнѣйшей сторонѣ своей душа его осталась закрыта даже для самыхъ близкихъ. И въ этой непонятости и неразгаданности, въ этомъ роковомъ одиночествѣ—удѣлъ гениа и крестъ Толстого. Онъ былъ всю жизнь окруженъ семьей, пламенными поклонниками, друзьями. Но могла ли даже имъ открыться вполнѣ душа Толстого? И когда подлинный ликъ ея закрывался личиной прямолинейнаго догматическаго рационалиста, ее принимали за то, что скрывалось за ней. Чувство глубокой тайны должна внушать жизнь великаго мятущагося духа. За послѣдніе годы Толстой сдѣлался предметомъ особеннаго поклоненія „всего міра“, и, конечно, нашей интеллигенціи, что такъ выпукло проявилось при празднованіи его 80-лѣтія. Но и тогда, и теперь много ли среди этихъ почитателей найдется такихъ, кому дѣйствительно близокъ его внутренній міръ, святая святыхъ души его, его религія? Многимъ ли изъ нихъ она даже интересна? И, конечно, отъ того, предъ кѣмъ распаивались глубины человѣческаго сердца, не могло утаиться то, что очевидно всякому непредубѣжденному наблюдателю. И это впечатлѣніе—одиночества въ человѣческой толпѣ и глубокой отъ него грусти—только усилится, если подумать еще объ интимной обстановкѣ жизни Толстого. Онъ не изнемогъ до конца, и въ темномъ, но вѣрномъ предчувствіи надвигающейся смерти онъ снова отправился въ путь, уже послѣдній путь. И эта смерть въ пути символически озарила сокровенную жизнь его духа съ его неутоленнымъ алканіемъ. Не о такихъ ли сказано примирающее слово въ Благовѣстін: *блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся* (Мѡ. 5, 6).

II. Толстой и Церковь ¹⁾.

Больно касаться этого вопроса, но именно въ немъ не должно быть ни двусмысленности, ни недоговариванія. Между Толстымъ и

¹⁾ Настоящій очеркъ представляетъ собой расширенную переработку замѣтокъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, напечатанной въ *Русской Мысли*, 1911. I.